
Дэниел Махони
США

«ЗАЦАРИТЬСЯ»:
НИКОЛАЙ II И ГРЯДУЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯ¹

*Жизнь и творчество Александра Солженицына:
на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост.
Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013. С. 80–91*

В «Красном Колесе» Александр Солженицын ратует за последовательно проводимую «среднюю линию» общественно-политического развития в противовес революционной левизне и правой реакционности². Этот «средний путь» олицетворяет прежде всего фигура Петра Столыпина, возглавлявшего российский кабинет министров в период с 1906 по 1911 год. Именно он стремился остановить революцию с помощью реформ и «искал развитие России в <...> вынужденных пределах» (8; 275) конституционного Манифеста от 17 октября. В первую очередь Столыпин старался создать новый класс независимых сельских производителей, дабы тот постепенно приобрёл вес в политическом устройстве страны. По мнению историка Джеффри Хоскинга, Столыпин «рассчитывал, что мелкие собственники», появление которых стало возможным в ходе его реформ, «превратятся в подлинных граждан и сыграют свою роль в утверждении рыночной экономики, одновременно доказав свою способность стать настоящей опорой для монархии и власти закона»³. По мере продвижения реформ Столыпин бесстрашно противостоял революционному террору и благодаря этому «выволок Россию из революции», дав монархии возможность устоять. Но «нетерпящая правая крайность» все его усилия встречала с неизменной неблагоприятной враждебностью. В главе 70 «Августа Четырнадцатого» Солженицын так описывает лицо этой правой реакции: она «знать не желает никакого развития общества, никакого движения мысли, никаких тем более уступок <...>» (там же). Она уповает только на «всемолитвенное поклонение царю да каменную неподвижность страны — ещё век, ещё век, ещё век» (там же). Стремление предпочесть эту «каменную неподвижность» разумному и решительному действию становится в «Красном Колесе» объектом уничтожающей критики, к которой просто нечего добавить.

Тем не менее в глазах некоторых учёных и журналистов Солженицын оказывается близок тому самому косному правому крылу, которое он сам столь недвусмысленно отвергал. В мире интеллектуалов, где царят идеи левого либерализма, стоит тебе начать, как это делает Солженицын, серьёзно обсуждать проблему русского самосознания, и тебя немедленно заклеят как узколобого и отсталого националиста. Писателю приписывают желание

«вернуться в некое мифическое прошлое, где все пребывают на своих местах: царь, патриарх, бояре и всем довольные крестьяне. Вот суть его мечты, о соответствии которой реальности он не имеет ни малейшего представления»⁴. Вопреки очевидности Солженицына превращают в «воплощение слепого национализма», олицетворение «застывшего» прошлого, то есть как раз идей, враждебных творческому и продуктивному традиционализму, поборником которого он на самом деле являлся. Подобное извращение фактов нельзя ничем оправдать — разве что ленью и идеологизированной зашоренностью автора этих высказываний, который не дал себе труда прочесть без предвзятости «Красное Колесо» и другие крупные произведения Солженицына.

Отнюдь не проповедуя застой и не строя гипотетических реакционных утопий, Солженицын, напротив, выдвигает в качестве одной из причин революции 1917 года отказ осознанно воспринимать необходимость перемен. Вслед за Аристотелем и Эдмундом Бёрком⁵ он полагает, что лучшим способом сохранения политического строя является умение разумно его реформировать. В годы, предшествовавшие Февральской революции, России насущно требовалось «деятельное, неутомимое реформирование всего устаревшего и не соответственного»⁶. Однако, как утверждает Солженицын в своих «Размышлениях над Февральской революцией», после смерти Столыпина у царского правительства не было чёткой и энергичной программы действий. И до 1906-го, и после 1911 года Николай II избирал бездействие «удобнейшей формой действия»⁷. Господь послал ему Столыпина, подлинно великого человека, который сумел отодвинуть Россию и правящую династию от пропасти надвигавшейся революции. Но император не сумел должным образом поддержать своего премьер-министра в борьбе с врагами последнего. К тому моменту, когда в сентябре 1911 года в киевской Опере было совершено покушение на Столыпина, приведшее к его гибели, Столыпин и так стоял на пороге отставки.

В главе 69 «Августа Четырнадцатого» мы сталкиваемся с чрезвычайно драматичным описанием последних дней Столыпина. Умиравший ждёт прихода своего монарха, а для того важнее оказывается посетить военный парад, а не навестить своего раненого премьер-министра и побеседовать с ним. А Столыпин беспокоится о том, чтобы успеть объяснить свой план преобразований царю и передать его «как наследство. И убедить, и увлечь к исполнению». Он не требует этого в расплату «за то, что Столыпин победил ему революцию, восстановил здоровую страну»; он жаждет, чтобы царь выслушал его «себе же на будущее! Себе же!». Ведь Столыпин понимает, что Николай II «не видит, как ещё заклинена Россия. И как вырваться ей» (8; 267).

Мысли, которые обуревают Столыпина на смертном одре, окажутся пророческими. С одной стороны, оглядываясь назад, следует признать, что краткий промежуток с 1906 по 1913 год оказался для России своего рода золотым веком, для которого была характерна «полоса бурного промышленного разви-

тия», «полная свобода частной экономической деятельности», поразительная социальная мобильность, независимый суд и «истинный парламент и многопартийная система»⁸. Но, с другой стороны, все эти несомненные успехи необходимо было дополнить решительными преобразованиями, направленными на улучшение тяжёлого положения трудящихся и устранение правовых ограничений, которые налагались на крестьянство. Принимая во внимание ту стойкую ненависть, которую испытывало образованное «общество» к правящему режиму, необходимо было во что бы то ни стало избежать ситуации 1904–1905 годов, когда народное недовольство войной с Японией дало либералам и радикалам возможность поощрять пораженческие настроения и всяческую смуту. Но, вместо того чтобы подыскать ответственных, решительных и компетентных руководителей, самодержавие продолжало опираться главным образом на представителей вялого и беспомощного класса наследственной дворянской аристократии, которая утратила чувство долга, была развращена своими привилегиями, передаваемыми из поколения в поколение, и во многом лишилась подлинно национального самосознания⁹. По всей стране образованный слой без всякого ущерба для себя отказывал существующей власти в легитимности и поддержке. Монархия пребывала в сонной дремоте как раз тогда, когда ей было необходимо дать отпор революции, при этом продвигая вперёд реформы. Апатичность режима во многом являлась следствием слабости и нерешительности центральной фигуры — Николая II. По сравнению почти со всеми его предшественниками этого царя с гораздо большими основаниями можно было назвать и порядочным человеком, и добрым христианином, но он был напрочь лишён способности предпринять твёрдые и в то же время взвешенные меры, которые могли бы послужить спасению и его династии, и его державы¹⁰.

Истоки политической слабости Николая II, приведшей к его отречению, блестяще выявлены в том описании Государя, которое дано Солженицыным в главе 74 «Августа Четырнадцатого». Исходно она была опубликована в 1978 году в «Вестнике Русского Христианского Движения» как отдельный текст, озаглавленный «Этюд о монархе». Глава сама по себе представляет самостоятельное исследование: разбор первых одиннадцати лет царствования дополняется анализом июльского кризиса 1914 года, вслед за которым разразилась Первая мировая война. В статье «“Русский вопрос” к концу XX века» Солженицын обращает внимание на то, что период правления Николая можно разделить на две половины, по одиннадцать лет каждая. В конце первого одиннадцатилетия, в 1905 году, «он уже почти выпустил всю власть из рук — однако в этот раз её вернул Столыпин». И следующая фраза звучит особенно весомо и горько: «Через следующие 11 лет уже некому было вернуть»¹¹. Глава 74 следует сразу за той частью «Августа Четырнадцатого», которая посвящена непосредственно Столыпину (и включает в себя главы 8 и 60–73). В ней продемонстрировано, как далеко в своём саморазрушении зашла мо-

нархия, пока ей на помощь не подоспел Столыпин. В главе 65 Солженицын утверждает, что Столыпин стал подлинной опорой, *столпом* Российского государства и «центром русской жизни, как ни один из царей» (8; 199).

Что касается главы 74, то в ней о Столыпине напоминает его знаковое отсутствие. Данная глава, бесспорно, естественным образом связана с предыдущими, в которых были подробно рассмотрены пять лет, проведённых Столыпиным у кормила государства, но этот разбор, по меньшей мере прямо, не связан с возникающей здесь новой центральной темой: слабостью и непоследовательностью Николая II, столь явно сказавшимися в момент, когда на Россию уже накатывало Красное Колесо. В дополняющем эту главу эпизоде «Июль 1914» Николай мучается сомнениями, объявлять ли «всеобщую мобилизацию» вооружённых сил, поскольку подобный демарш ставит Россию на грань войны с Австро-Венгрией и Германией. «Его изводило, тянуло в разные стороны, разрывало», и он не в силах принять решение одной своей «колеблющейся, измученной душой». В этот ключевой момент ему отчаянно недостаёт «одного — твёрдого, умного, превосходящего человека, который взял бы на себя и ответственность, и решение, сказал бы, нет — сразу бы сделал: так, а не иначе!». И на один краткий миг Николай признаёт: «Столыпин! — был такой человек» — и понимает: «Вот кого не хватало ему сейчас, сию минуту здесь — Столыпина!..» (8; 407).

Николай II — это достойный, богобоязненный человек, всецело преданный своей семье. Но мало кто был в меньшей степени наделён значительным характером или глубоким умом. Государственные дела ложатся на него непосильным грузом, он приходит в ужас от необходимости проводить совещания со своими министрами. Успокоение ему приносит лишь посещение военных парадов да инспектирование полков, а более всего он отдыхает душой, пребывая в кругу семьи со своей обожаемой Аликс и детьми. После прочтения этой главы «Августа Четырнадцатого» становится ясно, что порыв, охвативший Николая в феврале 1917 года, когда он страстно желал сбросить с себя всякую ответственность за государство и затвориться с семьёй в Царском Селе, — на самом деле владел им с самых первых дней царствования. Он всем сердцем любил жену, своих девочек, своё «маленькое сокровище» (8; 359) — наследника престола, и силой этой любви во многих отношениях нельзя не восхищаться. Но стоило ему оказаться за пределами семейного круга, и Николай терялся; он честно пытался, но никак не мог ощутить подлинную духовную связь со своим народом. Власть оказалась для него тяжким бременем, которое он согласился нести как уготованный ему крест. «Быть русским царём? — непереносимо трудно!» (8; 320) — произносит он про себя в главе 74. Он колебался по поводу каждого государственного решения, не знал, кого слушать, кому верить из своих советников (пока наконец не положился на Сергея Витте — самого дельного из государственных мужей в период до 1905 года, — положился с той же безоглядностью, с которой потом передоверил всё Столыпину). Он

верил в своё предназначение как самодержца, «помазанного монарха» (8; 335), власть которого идёт от Бога. Но, дабы проникнуться этим чувством и проявить необходимую уверенность в себе при принятии твёрдых, властных решений, ему всегда требуется ободрение жены.

В изображении Солженицына Николаем с легкостью манипулирует его кузен Вильгельм, кайзер Германии, который был так «любовно-ласково-дружествен <...> к Ники и к Аликс <...>» (8; 326), но в то же время железной рукой способствовал продвижению интересов своей страны на международной арене. Вильгельм и впрямь выказывал добрые чувства по отношению к Николаю с подчёркнутой театральностью. Окончательно фарсовый характер эта «дружба» приобретает в кульминационный момент заключения договора в Бьёрке в 1905 году, когда два императора подписали тайный трёхсторонний договор, в котором предполагалось и участие Франции, но, как пояснил германский кайзер русскому царю, Франция «потом присоединится»¹². На протяжении главы 74 мы видим, как Вильгельм, последовательно поощряя имперские мечтания Николая о завоеваниях на Дальнем Востоке (в личном общении именуя его «великим императором Востока» и «адмиралом Тихого океана»), без устали при этом трудится на благо своей Германии (так, например, в 1904 году он навязал чрезвычайно невыгодное для России торговое соглашение). А царь, со своей стороны, вместо того чтобы в интересах России взвешенно и продуманно выстраивать дружественные отношения как с Германией, так и с Францией (следуя тому, что Солженицын в «Русском вопросе» к концу XX века называет «проверенной системой Петра I»¹³), хотя и хранил «секретный» союз с Францией, всё же основную ставку делал на свою «дружбу» с Вильгельмом. Печально наблюдать, как глава государства так легко поддаётся манипулированию во имя дружбы — личного чувства, которое можно чисто по-человечески ценить, но никак нельзя принимать за точку отсчёта в международных делах. В «Размышлениях над Февральской революцией» Солженицын утверждает, что Николай II, при всей своей личной порядочности, в гораздо меньшей степени, чем все его многочисленные предшественники на престоле, был способен осознать и вместить в себя «необъятную силу» русского народа, величие и мощь Российского государства¹⁴.

В главе 74 содержится немало примеров того, с какой разрушительной враждебностью относилось российское «общество» к собственному государству. Солженицын убедительно показывает, что это безумное саморазрушение достигло пика в период Русско-японской войны (1904–1905). Имперские амбиции Николая были несовместимы с насущной нуждой в продуманном внутреннем совершенствовании государства. Более того, его экспансионистские цели были тем более опасны в свете той безудержной злобы, которую испытывали образованные слои общества по отношению к режиму (8; 346–347). Война с Японией казалась «дальней, непопулярной и <...> необъяснимой» и даже породила близкую к отрицанию всего и вся «жажду поражения»¹⁵. Если

молодые японцы записывались добровольцами в армию, то русские студенты в своих посланиях микадо выражали надежду на то, что Япония победит в войне. Разумеется, Солженицын ни на йоту не одобряет обуревавшую столь многих представителей интеллектуальной и профессиональной элиты ненависть к своей стране. Но на более глубинном уровне ответственность за этот моральный кризис, в котором оказалась Россия, лежит на самом царе. Его безрассудная политика в Азии поставила монархию на грань катастрофы. Всего лишь однажды побывав на Дальнем Востоке, он стал считать себя знатоком этого региона. Он стремился «укреплять наши дороги и наши войска, наше влияние и наше положение в Азии. Будущее России несомненно лежало в Азии, в которую она так естественно входила сибирским массивом» (8; 336). Пользуясь слабостью имперского Китая, он попробовал расширить русское присутствие в Маньчжурии и дать отпор японским притязаниям на Корею. Но этот «великий замысел» (8; 347) расширения русского влияния в Азии никак не учитывал хрупкость внутреннего положения страны и недооценивал мощь уверенной в себе Японии, переживавшей промышленный подъём. Были у Николая и чисто стратегические изъяны. Из-за напряжённых отношений с Австрией Россия была вынуждена свои лучшие войска держать на западном направлении. К тому же ещё не было закончено строительство Транссибирской магистрали (она прерывалась озером Байкал), и потому возникали значительные сложности с массовой переброской войск на русские позиции в Маньчжурии.

Падение Порт-Артура и ужасающий разгром в морском сражении в Цусимском проливе 27–28 мая 1905 года унизили Россию в глазах всего мира и дали повод распоясавшемуся «обществу» открыто насмеяться над самодержавием и требовать радикальной смены строя. Все уступки Николая II, вплоть до провозглашённого Манифестом 17 октября перехода к «конституции», ни в коей мере не могли удовлетворить оппозицию. «<...> как прорвало: вдруг вся печать и все имеющие гласность стали требовать немедленных, во время войны, преобразований, разлития всяческой свободы — до полного оскпления государственной власти» (8; 363). Непреклонные противники монархии и впрямь стремились полностью обессилить государственную власть. Но принятое Государем решение начать войну, стремление воплотить в жизнь губительный «замысел» расширения империи дали этим безответственным элементам возможность реализовать на деле свои разрушительные планы.

Мысль Солженицына вполне ясна: в июле 1914 года Николай примет ещё одно, столь же неразумное решение ввязаться в войну, — решение, которое мог бы предотвратить лишь подлинно дальновидный государственный муж вроде Столыпина, способный осознать, насколько далека от завершения работа по реформированию России и какие опасности поджидают страну на этом пути, несмотря на значительные успехи, достигнутые с 1906 года. Нам очевидна уверенность Солженицына в том, что, доживи Столыпин до 1914 года и

окажись в этот момент у власти, он бы не допустил вступления России в войну. Для этого великого политического деятеля первостепенной заботой было постепенное мирное внутреннее движение России к процветанию и свободе, и он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что подобный удар непременно разрушит его мечту¹⁶.

В «Красном Колесе» Солженицын показывает, что именно война во всём многообразии своих проявлений создала предпосылки для революции. Не случись её, не было бы ни Февраля, ни Октября, ни их последствий: кровавой бойни, масштабы которой трудно себе до конца представить, тирании и царства тотальной лжи. Но Николай II в своих бесконечных внутренних терзаниях был не в силах представить целостную картину происходящего. Необходимость сделать выбор ложится на него тяжким бременем, и при этом он всё продолжает тщетно уповать на свою «дружбу» с Вильгельмом. Он раздражён тем, что не существует планов «частичной мобилизации», направленной исключительно против Австрии, и в итоге соглашается на «всеобщую мобилизацию» — не потому, что уверился в её необходимости, но лишь для того, чтобы положить конец своим мучительным метаниям. Однако в конце главы его подхватывает волна патриотического энтузиазма по поводу объявления войны. Николай отваживается на то, на что ему не хватило духу в 1905 году: он выходит на балкон Зимнего дворца и стоит «перед своим народом, над своим народом» (8; 413), ощущая, что его правление начинается с чистого листа. Но читателям «Красного Колеса» ясно, насколько царь обманывается. Впереди у Николая II не новое блистательное царствование, а постепенное крушение монархии и последовательная утрата Россией самих основ её национального духа. Общество оказалось не в силах расстаться со своей всегдашней безответственностью, и, когда в марте 1917 года его представители получают долгожданную власть, они оказываются полнейшими «бездарностями»¹⁷. Князь Георгий Львов и Александр Керенский — личности ещё более заурядные, чем сам Николай II, а в мире, где встречаются Ленины и Троцкие, серостям с ними не справиться.

Следует обратить внимание ещё на одно обстоятельство. В главе 74 Солженицын подчёркивает, с какой болью Николай воспринял гибель людей в Петербурге в Кровавое воскресенье 22 января 1905 года. Безоружную демонстрацию рабочих, которые под предводительством своего харизматического лидера, священника о. Гапона мирно направились к Зимнему дворцу, чтобы вручить петицию «батюшке» царю, встретил град пуль, унёсший около двухсот жизней. Эта трагедия поколебала самые основы легитимности царского режима, и память о ней мучила Николая все оставшиеся годы. Этот мирный человек, «отец своего народа», не хотел в конце февраля 1917 года увидеть повторение Кровавого воскресенья. Однако, как подчёркивает Солженицын в «Размышлениях над Февральской революцией», беспорядки в феврале 1917 года ограничивались столицей, и девять десятых населения России оста-

вались верными монархии. Император был вполне в силах взять под контроль телеграфную и телефонную связь, призвать верные ему войска и, употребив минимум насилия, остановить революционную заразу¹⁸. Стремление Николая *любой ценой* избежать кровопролития и забота о своей семье заставили его в конце концов отречься от власти — как самому, так и от имени своего сына¹⁹. Солженицын не делает скидок: этим своим поступком «слабый царь»²⁰ бесстыдно бросил на произвол судьбы миллионы своих верноподданных, оставшихся преданными монархии. Николай не имел права отречься, когда над его народом нависла смертельная угроза. Ради мнимого гражданского согласия он оставил трон в тот момент, когда Россия никак не могла себе этого позволить. Брошенную им власть унаследовало не столько Временное правительство (якобы представлявшее пресловутое «общество»), сколько Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, эта «шайка никем не избранного полуинтеллигентского-полуреволюционного отребья»²¹. А далее последовали семьдесят лет большевистской деспотии.

В своих «Размышлениях над Февральской революцией» Солженицын пишет:

«Монархия — сильная система, но с монархом не слишком слабым.

Быть христианином на троне — да, — не до забвения деловых обязанностей, не до слепоты к идущему развалу»²².

В этой статье, равно как и в драматичном изображении событий на страницах «Марта Семнадцатого», писатель рисует поразительный портрет чело­веколюбивого, но нерешительного монарха, который жаждет быть с семьёй в Царском Селе и потому предаёт свой народ и свою страну, ответственность за которую была возложена на него «наследием, традицией и Богом»²³. Когда пришла решающая минута, он не нашёл в себе силы предпринять действия, необходимые для того, чтобы предупредить крушение монархии и Российского государства. Но Николай II перестал «править» в подлинном смысле этого слова задолго до Февраля 1917 года. Солженицын напоминает своим читателям русское слово *зацáриться*, означающее «забыться, царствуя»²⁴. Вне всяких сомнений, Николай ощущал себя самодержцем, помазанником Божьим. Но он никогда не осознавал различия, порой жестокого, меж добродетелями частными и общественными. И он так и не смог обрести способность к решительному действию, являющуюся важнейшей составляющей ответственности перед обществом. Потому, при всей его личной порядочности, история этого человека служит важнейшим уроком того, чего следует избегать. Этот христианский правитель предал забвению фундаментальные принципы христианской монархии в должном её понимании. Он так и не признал необходимость ставить общественную пользу превыше своих частных и семейных предпочтений и уж тем более не оказался способным действовать, исходя из этого принципа. В отличие от Столыпина, он не обладал душой подлинного государственного деятеля и не был рождён, чтобы царствовать.

Таким образом, как правильно замечают Эдвард Эриксон и Алексей Климов в своей книге «Душа и колючая проволока», Солженицын «считает царя главным виновником того, что Россия была ввергнута в пучину революции»²⁵. Эта мысль с собой силой высказана в «Размышлениях над Февральской революцией». Но помимо этих четырёх очерков, изначально замысленных как введение к каждой из четырёх книг, составляющих «Март Семнадцатого», содержание самого этого Узла прекрасно иллюстрирует данный тезис. На протяжении множества небольших глав этой 3000-страничной книги перед нами предстаёт зримая «картина уличной анархии», которую дополняет не менее наглядный образ царского режима, «страдавшего от бед куда более тяжёлых, чем простая некомпетентность»²⁶. Царь поистине совершенно утратил понимание того, что значит управлять страной. И всё же, несмотря на столь жёсткие оценки той решающей роли, которую сыграл Николай в постигшей Россию катастрофе, Солженицын не перестаёт по-человечески сопереживать и ему самому, и его семье. Самодержец, добровольно отказавшийся от власти, чтобы избежать гражданской войны, и выказавший полную готовность поддержать тех, кто пришёл ему на смену, никак не заслуживал той ужасной судьбы, которая его постигла²⁷.

В мастерски нарисованной в главе 349 «Марта Семнадцатого» сцене отречения Николая II перед нами предстаёт беспомощный и отчаявшийся человек, опасющийся только, что его уход обернётся для России ещё большим кровопролитием. Он на грани полной «капитуляции» (посланные Думой для переговоров об отречении Гучков и Шульгин ехали к царю, ещё не зная, что он уже подписал соответствующий документ) и, находясь в невероятном внутреннем напряжении, принимает роковое решение отречься и от своего имени, и за юного цесаревича, ибо не в силах перенести мысль о том, что более не сможет быть рядом с сыном. У него лишь одно желание: оказаться вместе с женой и семьёй, — а некогда яростный монархист Гучков опасается, что в таком случае дана будет возможность «соединиться ему — с волей?» (12; 763). И, «соверша трёхсуточный бессмысленный судорожный круг <...>», Николай получает разрешение вернуться в Могилёв (но не в Царское Село), по пути «оброня корону» (12; 764). Читатель не может не проникнуться сочувствием к Государю, который, отрекаясь от трона и своей державы, оказывается способным до некоторой степени сохранить и самообладание, и внутреннее величие. Искусство Солженицына-художника позволяет воссоздать этот эпизод во всей его полноте, а фигуру Николая — во всей её человеческой глубине. Ни один историк на это не способен.

Созданный Солженицыным образ царя — человека слишком заурядного и неуверенного в себе и потому оказавшегося не в силах править великой страной в переломный момент — вовсе не отменяет авторского внимания к положительным сторонам его личности или сопереживания его страшной судьбе. Как уже было сказано, он никак не ничтожнее тех бесхребетных пустозвонов,

которые сменили его на развалинах Российского государства, и уж точно куда достойнее их. Психологическая и духовная глубина превосходно выстроенных глав 349 и 531 «Марта Семнадцатого» становится ещё отчетливее видна на фоне содержащихся в этом же Узле не менее впечатляющих «моментальных снимков» революционного бурления «улицы»²⁸. Подлинную жизненную силу «Марту Семнадцатого» придаёт именно это контрастное изображение фигуры слабого и ни на что не способного царя, тем не менее остающегося для нас притягательным своей человечностью, на фоне революции, которая развёртывается как бы сама по себе, неожиданно и для её поборников, и для её противников.

В только что упомянутой главе 531 «Марта Семнадцатого» перед нами предстаёт царь, который наконец-то воссоединился со своей семьёй и тут же подвергается унижительной проверке, поскольку «<...> Совет желает удостовериться, что Государь — действительно тут». Отчаявшийся царь, который перед тем «лежал на спине в тяжёлой дрёме, с полуоткрытым ртом, и стонал», должен испытать новое «страдание и унижение» (13; 754). Переодевшись в лейб-гусарскую форму, низложенный император вынужден пройти по второму этажу своего собственного дворца и, сняв фуражку, показаться уполномоченному революционного Петроградского Совета, чтобы тот убедился, что царь и впрямь находится под арестом в Царском Селе. Глаза наблюдавшего за царём комиссара «жгли ненавистью» (13; 756), и это «неприкрытое проявление откровенной злобы»²⁹ становится предвестием ещё худших унижений и грядущего бесконечного насилия.

В начале своей статьи я упомянул о традиционализме Солженицына-человека и Солженицына-художника. Вовсе не являясь реакционером, он всецело осознаёт, что живая традиция должна быть открыта вызовам современности и способна предугадывать грядущие осложнения. Достойные и человеческие правители должны стремиться к сдержанности и самоограничению и ставить гармоничное внутреннее развитие страны на первое место, отказываясь от безрассудных эскапад на международной арене, способных подорвать уверенность и силу нации. Наряду с этим Солженицын уверен, что государственная мудрость несовместима с нерешительностью и малодушием. Истинный политик, знающий, как управлять страной, должен соединять в себе сдержанность с решительностью, нетерпимость к возмутителям гражданского покоя с чётким ощущением границ, которые не следует переходить. Изумительные портреты Николая II и Столыпина, созданные Солженицыным, интересны отнюдь не только с точки зрения историка. В образе Столыпина перед нами предстаёт человек, интеллектуальные и душевные качества которого как нельзя лучше соответствуют его задаче: руководить великим и свободным народом. Николай II в изображении Солженицына являет собой «помазанного монарха», лишённого важнейших свойств, необходимых самодержцу, дабы

сохранить живую традицию своего народа в беспрестанно меняющуюся современную эпоху. Размышления Солженицына о природе государственного управления, столь полно развёрнутые в «Красном Колесе», преисполнены глубочайшей значимости — в равной мере и с исторической, и с политической точек зрения.

Примечания

¹ Перевод с англ. Н. Гринцера

² См.: *Солженицын А.И.* Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках // *Солженицын А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М.: Время, 2007. Т. 10. С. 69. Далее цитируется это издание с указанием в скобках тома и страниц; сохранена авторская орфография и пунктуация.

³ *Hosking G.* *Russia and the Russians: A History.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011. P. 377.

⁴ *Von R.* A Letter to «The Economist». 2008. August 12.

⁵ *Бёрк, Эдмунд (Edmund Burke, 1729–1797)* — английский политический деятель и публицист, знаменитый, в частности, своими памфлетами против Великой Французской революции. Считается одним из основателей британского консерватизма. — *Примеч. перев.*

⁶ Эта формулировка взята из статьи А.И. Солженицына «Размышления над Февральской революцией», написанной между 1980 и 1983 гг. и опубликованной по-русски в 1995 г., а затем — специально к юбилею Февраля — в «Российской газете» в 2007 г. См.: *Солженицын А.И.* Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 499.

⁷ См. там же. С. 470.

⁸ См.: *Солженицын А.И.* «Русский вопрос» к концу XX века // Там же. С. 671–672.

⁹ См.: *Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией (1980–1983) // Там же. С. 499–500.

¹⁰ См. там же. С. 469–477.

¹¹ *Солженицын А.И.* «Русский вопрос» к концу XX века // Там же. С. 668.

¹² Солженицын обсуждает заключённый в Бьёрке договор в «Августе Четырнадцатого» (8; 380–381, 395–396) и в «Русском вопросе» к концу XX века» (*Солженицын А.И.* Публицистика. Т. 1. С. 669). Несколько иную интерпретацию этого соглашения, в частности подчёркивающую, сколь быстро Николай II избавился от заблуждения, в которое впал под влиянием Вильгельма, см. в работе: *Carrure d'Encausse H.* *Nicholas II: The Interrupted Transition / Transl. by George Holoch.* N.Y.: Holmes & Meier, 2000. Pp. 76–78.

¹³ См.: *Солженицын А.И.* «Русский вопрос» к концу XX века // Указ. изд. С. 669.

¹⁴ См.: *Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией // Там же. С. 471.

¹⁵ См.: *Солженицын А.И.* «Русский вопрос» к концу XX века // Там же. С. 668.

¹⁶ Точку зрения Солженицына поддерживает и лучший биограф Столыпина Абрахам Ашер. Отдавая себе отчёт в гипотетичности подобных суждений, он, тем не менее, уверенно заявляет: «<...> учитывая, с каким упорством Столыпин прежде

настаивал на том, что Россия должна избегать войны, он и в 1914 году постарался бы сохранить для неё мир». В этом «стремлении избежать войны» Столыпин вполне могли бы поддержать и его собственные выдвиженцы, вроде министра земледелия Кривошеина, и даже некоторые из его заклятых врагов, например ультраконсерватор П.Н. Дурново (см.: *Ascher A. P.A. Stolypin: The Search for Stability in Late Imperial Russia*. Palo Alto, California: Stanford University Press, 2001. P. 394).

¹⁷ Солженицын с особой настойчивостью подчёркивает это в своём интервью, которое он дал И.И. Сапиэту (см.: *Солженицын А.И.* Радиоинтервью компании Би-Би-Си (февраль 1979) // *Солженицын А.И.* Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1996. Т. 2. С. 486–488.

¹⁸ См.: *Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией // Указ. изд. С. 467–477.

¹⁹ См. там же. С. 468. Известный историк России Элен Каррер д'Энкос подчёркивает, что Николай II был движим патриотическими чувствами: он ни в коем случае не хотел своими поступками подорвать военные усилия России или поставить под сомнение её обязательства перед союзниками (см.: *Carrere d'Encauss H.* Op. cit. Pp. 218–234). Но при всей явной симпатии к Николаю она также признаёт, что его решение отречься разом и за себя, и за своего сына было «победой отца над монархом». По мнению этого биографа Николая II, «то был трагический шаг, последствия которого не в силах были осознать ни он, ни беседовавшие с ним представители Думы» (Ibid. P. 228).

²⁰ См.: *Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией // Указ. изд. С. 477.

²¹ См. там же. С. 484.

²² Там же. С. 470.

²³ См. там же. С. 477.

²⁴ См. там же. С. 470.

²⁵ *Ericson E.E., Jr., Klimoff A.* The Soul and Barbed Wire: An Introduction to Solzhenitsyn. Wilmington, DE: ISI Books, 2008. Pp. 159–160.

²⁶ Ibid. P. 159.

²⁷ См.: *Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией // Указ. изд. С. 490.

²⁸ См.: *Ericson E.E., Jr., Klimoff A.* Op. cit. P. 159.

²⁹ См.: *The Solzhenitsyn Reader: New and Essential Writings, 1947–2005* // Ed. by E.E. Ericson, Jr. and D.J. Mahoney. Wilmington, DE: ISI Books, 2006. P. 442.